

⁴⁹ Щербатов А.Л. Указ. соч. Т. 5. СПб., 1896. С. 203–208, 301. См. также: Кухарук А.В. Указ. соч. С. 136–137.

⁵⁰ Сохранившаяся со времен Средневековья на землях бывшей Речи Посполитой феодальная повинность, предполагавшая использование крестьян на работах по ремонту дорог, плотин, мостов и пр.

⁵¹ РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 1216, л. 1.

⁵² Там же, л. 1 об.–2.

⁵³ Там же, ф. 432, оп. 1, д. 91, л. 10 об.–12, 29.

⁵⁴ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 185. *McElwee W.* The art of war Waterloo to Mons. L., 1974. P. 30.

⁵⁵ РГВИА, ф. 432, оп. 1, д. 106, л. 4 об.–6 об.

⁵⁶ *Buchholz A.* Moltke, Schliffen and Prussian war planning. Oxford, 1993. P. 36.

⁵⁷ РГВИА, ф. 38, оп. 5, д. 728, л. 4 об.

⁵⁸ Там же, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 1216, л. 1 об.–2.

⁵⁹ Там же, л. 4.

⁶⁰ Там же, л. 3–3 об.

⁶¹ Там же, л. 2 об.–3.

⁶² Там же, л. 4.

⁶³ Там же, л. 4–4 об.

⁶⁴ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 73.

⁶⁵ РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 1216, л. 5 об.–6.

⁶⁶ Там же, л. 5 об.

⁶⁷ Там же, л. 6.

⁶⁸ Там же, л. 6 об.–7.

⁶⁹ Там же, л. 7.

⁷⁰ Там же, л. 7–7 об.

⁷¹ Там же, л. 7 об.

⁷² Там же, л. 7 об.–8.

⁷³ Там же, л. 8–8 об.

⁷⁴ Там же, л. 8 об.

© 2012 г. Н. М. АЛЕКСАНДРОВ*

СКОЛЬКО КРЕСТЬЯНИНУ НАДО ЗЕМЛИ? (К вопросу о норме крестьянского надела в пореформенной России)

Земельные реформы 60-х гг. XIX в. и пореформенное развитие российской деревни давно уже стали предметом тщательного изучения ученых. Однако, несмотря на значительные успехи в исследовании этих тем, многие вопросы продолжают активно дискутироваться. Одним из них является вопрос о величине земельного надела, необходимого для нормального функционирования крестьянского хозяйства в пореформенный период. Без ответа на него трудно дать объективную оценку самим реформам и определить, с каких «стартовых позиций» крестьянское хозяйство вошло в капиталистическую эпоху. В настоящей статье предпринимается попытка показать, какие подходы и методы применялись в разные эпохи для решения вопроса о норме крестьянского надела.

При всей критике реформы 1861 г. надо помнить, что освобождение крепостного населения совершилось в России на совершенно иных принципах, чем в Западной Европе. Кроме личной свободы крепостному крестьянину была дана земля. Мысль о

* Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

земельном наделе стала краеугольным камнем всего преобразования. «Главная цель правительства, – заявляли реформаторы, – состоит в создании обеспеченного сословия сельских обывателей, а отнюдь не в лишении этого сословия с первой поры его образования лучших средств к самостоятельному развитию»¹. Александр II вместе с разработчиками проектов освобождения крестьян, по-видимому, искренне надеялся, что проведенная на таких основаниях реформа будет способствовать в дальнейшем улучшению положения не только крестьян, но и помещиков. «Исход крестьянского вопроса, – писал царю Я.И. Ростовцев, – представляется мне в радужном свете: крестьяне получат свободу полную; они зачнут богатеть, ценность помещичьих имений возрастет быстро»².

Решив дать крестьянину землю, правительство поставило перед собой довольно сложный вопрос: какой величины должен быть предоставляемый земельный надел? В губернских комитетах при обсуждении его размера звучали самые разные мнения. Одни помещики считали, что за основу должен быть положен размер существующего надела, ограниченный определенным максимумом. Такие предложения исходили главным образом от комитетов нечерноземных губерний. Другие полагали, что в каждой губернии должна быть введена своя единая норма надела. Высказывалась также мысль, что при определении надела надо принимать во внимание такие показатели, как ценность земли, размеры имения, участие крестьян в неземледельческих промыслах и т.д.³

До отмены крепостного права размер земельной площади, необходимой для нормального ведения крестьянского хозяйства, зависел от многих обстоятельств. Известный знаток российской деревни А.Н. Энгельгардт отмечал, что «при крепостном праве помещик, особенно если у него не было недостатка земли, оставлял в пользовании крестьян такое количество земли, которое обеспечивало бы исправное отбывание повинностей по отношению к помещику и казне»⁴. Существенную роль играло плодородие почвы. При малой плодородности почвы и отсутствии подсобных промыслов помещику волей-неволей приходилось предоставлять крестьянину количество земли, достаточное для поддержания существования его семьи. В противном случае вся тяжесть содержания нищего населения легла бы на самого помещика. На величину надела влияла и система земледелия. В местах, где еще сохранялось лядинное хозяйство, надел был выше, чем у крестьян, применявших трехполье⁵. Размер надела зависел и от формы феодальной повинности. Барщинному крестьянину, как правило, требовалось больше земли, чем оброчному. Во-первых, в отличие от оброчного он получал средства к жизни главным образом за счет земледелия, так как возможности барщинного крестьянина заниматься неземледельческими промыслами были ограничены. Во-вторых, надел барщинника должен был обеспечить не только воспроизводство его хозяйства, но и содержание тяглового скота для обработки барской запашки.

Многообразие условий, в которых находилось российское крестьянство, создавало разработчикам реформы большие трудности. Для установления оптимального крестьянского надела в каждой местности им бы, по крайней мере, пришлось: 1. Определить с высокой точностью потребности крестьян; 2. Вычислить производительность надела в различных районах страны; 3. Оценить доход, получаемый крестьянами каждой местности как от земледелия, так и от не связанных с ним промыслов. Выполнить это было практически невозможно. Другой путь решения проблемы виделся столичным чиновникам в выяснении размеров «обыкновенного» надела в разных местностях. По их мнению, понятие «обыкновенного» надела существовало в каждой местности. Наделы ниже определенной площади считались «недостаточными, а выше – щедрыми, иногда излишними». Однако значительная часть губернских комитетов не поняла сформулированный нечетко запрос из столицы и вместо сведений об «обыкновенных» наделах прислала в Петербург данные о средних наделах по уездам⁶. Таким образом, и этот способ выяснения размера оптимального надела для каждой местности не помог членам Редакционных комиссий решить поставленную задачу.

В связи с затруднительностью определения оптимальной площади крестьянского надела Редакционные комиссии и приняли решение, «что за крестьянским сословием

должно быть по возможности сохранено право пользования, за определенные повинности, тем же самым наделом, которым существование его обеспечивалось до сих пор»⁷. В то же время авторы проектов аграрных преобразований полагали, что в ряде случаев крестьяне по тем или иным причинам имеют слишком «щедрые» наделы. Так, по данным, поступившим из Костромского губернского комитета, «обыкновенный» душевой надел помещичьих крестьян в Солигаличском и Ветлужском уездах составлял 10 десятин земли, а в Кологривском – 13 десятин⁸. Члены Редакционных комиссий считали, что «лишняя» земля крестьянам не нужна, так как они не задействуют ее в хозяйственных нуждах⁹. В связи с этим вводится понятие «высший надел»¹⁰. Разработчики реформы исходили из того, что он не должен был превышать земельной площади, которую крестьянская семья могла эффективно использовать. Обработав данные из многих регионов страны, чиновники решили, что количество пашни в большинстве крестьянских хозяйств разных местностей отличается незначительно. Различия, главным образом, состояли в размерах непахотных угодий. Это объяснялось большей или меньшей потребностью крестьян разных районов в покосах и пастбищах¹¹.

Однако при формировании местностей, на которые была поделена территория страны, во главу угла был положен не принцип хозяйственно-географического сходства, а плотность размещения крепостного населения: там, где на одного крепостного приходилось больше помещичьих угодий, там и «высший надел» был более значительным. Первоначально черноземная полоса была разделена на 3 местности с высшим наделом в 3, 3.5 и 4.5 десятины; а нечерноземная – на 6 (3.5, 4, 4.5, 5, 6 и 8 десятин). В дальнейшем количество местностей неоднократно изменялось, а размеры высших наделов были сокращены¹². По этому поводу в исторической литературе высказываются разные мнения. Ряд исследователей считает, что причиной сокращения норм было стремление членов Редакционных комиссий найти компромисс с консервативной частью дворянства¹³. Другие полагают, что столичные чиновники во время подготовки реформы стремились показать себя ее полновластными и единственными творцами и не особенно обращали внимание на нажим извне. Сокращение же размера высшего надела было вызвано методикой расчетов петербургских чиновников¹⁴.

От размера высшего надела зависела и величина низшего надела. Низший размер не рассматривался разработчиками как минимум земельной площади, способный спасти крестьянскую семью от голодной смерти. Этот надел вводился по другой причине. По замыслу членов Редакционных комиссий, «низший предел крестьянских наделов должен быть поставлен в такие узкие границы, чтобы прирезка крестьянам недостающего количества угодий не смогла сделаться общим явлением, но всегда сохраняла бы лишь характер исключения». Первоначально предполагалось, что он будет равен 2/5 высшего, потом, из-за опасения «обезземеливания» значительного количества мелкопоместных дворян, его величина была понижена до $\frac{1}{3}$ ¹⁵.

Разработчики реформы считали, что душевой надел в 8 десятин вполне достаточен для нормального развития крестьянского хозяйства даже в тех регионах, где климат и почва мало способствуют сельскохозяйственным занятиям. При трехпольном севообороте, по их мнению, больший размер надела приводил бы к малоэффективному использованию земли, так как поля получали бы недостаточное количество удобрений. Норма надела в 8 десятин земли как минимум, необходимый для крестьянского хозяйства, не была чем-то новым для страны. В дореформенный период правительство, наделяя землю государственных крестьян, установило норму в 8 десятин на ревизскую душу в малоземельных губерниях и 15 десятин – в многоземельных. Фактически осуществить это правило было не всегда возможно, и Министерство государственных имуществ допускало минимум в 5 десятин на душу¹⁶. При этом надо учитывать, что норма в 8 и 15 десятин включала в себя некий резерв земли, рассчитанный на прирост населения в крестьянской общине. Максимальный надел для государственных крестьян по реформе 1866 г. также был установлен в 8 десятин для малоземельных уездов и в 15 десятин для многоземельных.

Почему же принятые при проведении реформы 1861 г. размеры высшего надела даже в нечерноземной полосе были значительно меньше, чем 8 десятин? Дело в том, что, как уже отмечалось, при определении высшего надела у помещичьих крестьян главным показателем была не доходность земли, а размеры земельного фонда помещиков. Правительство не могло допустить, чтобы после отмены крепостного права дворяне оказались и без крестьян, и без земли. По мнению И.И. Иванюкова, одного из первых исследователей реформы 1861 г., если бы разработчики реформы учли все потребности крестьянского двора «и, сообразно с этими нуждами, определили нормальные наделы, крестьянское землевладение поглотило бы помещичье во всей черноземной не степной полосе, нечерноземных промышленных губерниях, юго- и северо-западных губерниях»¹⁷. Такая радикальная мера в планы правительства не входила. Решая вопрос о наделении крестьян землей, власти старались минимизировать потери помещиков. По этой причине крестьянские наделы в абсолютном большинстве случаев оказались меньше той площади, обрабатывая которую крестьянин мог бы обеспечить себя всем необходимым.

Следует отметить, что помещики были сильно встревожены грядущими переменами. У многих из них был собственный взгляд на размер надела, который крестьянин должен был получить при отмене крепостного права. Владельцы имений активно пытались донести до властей свое мнение не только через своих представителей в дворянских комитетах, но и путем выступлений в печати. Так, костромской помещик А.П. Шипов, чье имение находилось на границе двух уездов – Галичского и Кинешемского, разработал свой вариант проведения реформы, в котором предлагалось предоставить крестьянам по 4.5 десятины земли на ревизскую душу¹⁸. Евгения Приорова, имевшая небольшое поместье в одном из отдаленных уголков Ярославской губ. – Пошехонском уезде, полагала, что местным крестьянам вполне достаточен надел в 5 десятин на душу¹⁹. Эти помещики считали, что, получив надел, крестьянин все равно должен нуждаться в земле и в значительной степени будет зависеть от помещика. На то, что и в одной, и в другой местности указанные размеры земельного надела были явно недостаточны, указывает тот факт, что площадь «обыкновенных» наделов в них была значительно больше. В Кинешемском уезде «обыкновенный» надел составлял 4.8 десятины земли, в Галичском – 6 десятин, а в Пошехонском – 6.9 десятины²⁰. При этом рекомендованные данными помещиками нормы наделов все же были относительно щедрыми. Предложения Костромского и Ярославского дворянских комитетов были намного скупее. Члены первого считали, что крестьянам достаточно предоставить надел в малоземельных имениях в 1.5 десятины, в средних – 2.5, в многоземельных – 3. Представители второго определяли соответствующие цифры в 1, 1.5 и 3 десятины²¹. Но осуществление подобных предложений сделало бы невозможным ведение самостоятельного крестьянского хозяйства и могло бы привести к социальному взрыву, и столичные чиновники, в отличие от части провинциального дворянства, хорошо это понимали.

После отмены крепостного права вопрос о норме крестьянского надела стоял не менее остро. В это время, в отличие от предыдущего периода, им больше интересовались не владельцы имений и правительственные чиновники, а ученые и публицисты, которые пытались установить, насколько реформа отразилась на состоянии крестьянского хозяйства. Наиболее обстоятельно исследовал эту проблему Ю.Э. Янсон, который в своих расчетах опирался главным образом на данные, собранные Валуевской комиссией 1872–1873 гг., и сведения Податной комиссии. Он пришел к выводу, что в нечерноземной полосе «на тощей почве, требующей сильного удобрения, следовательно, достаточного количества лугов и выгонов, душевой надел для того, чтобы обеспечивать продовольствие семьи, и притом, если земля не очень уже плоха, не может быть с усадьбой менее 8 десятин»²². Янсон рассуждал так: «При 8 дес. может быть по две десятины в клину, 0.15 дес. под усадьбой, и только 1.85 под лугом и выгоном; с двух десятин озими при урожае сам-3 получится, за вычетом семян, до 45–50 пудов ржи, едва достаточных на прокормление 2½ душ, т.е. приблизительно того числа, какое

приходится на 1 ревизскую душу»²³. В черноземных же губерниях для обеспечения крестьянской семьи только продовольствием, по мнению ученого, необходимо было иметь «по 5 десятин в душевом наделе» или не менее 10 десятин на хозяйство²⁴. Янсон не соглашался с расчетами В.И. Чаславского, который считал, что в Курской губ. при трехпольном севообороте душевой надел в 4 десятины на душу может обеспечить прожиточный минимум (пропитание) крестьянской семье из 4 человек. В расчетах Чаславского такое хозяйство состояло из двух взрослых работников, мужчины и женщины, и нетрудоспособных членов семьи: стариков или детей. Оно располагало минимумом рабочего и продуктивного скота: лошадью, коровой, двумя овцами, свиньей²⁵.

Отметим, что 5 (или 8) десятин земли на ревизскую душу – это только тот минимум, который, по подсчетам Янсона, способен был обеспечить крестьянскую семью продовольствием. «Но за прокормлением, – добавлял он, – остается еще уплата податей, оброков и выкупных»²⁶. Следовательно, душевой надел должен быть больше вышеуказанных размеров. И.И. Ивановов в своем исследовании реформы 1861 г., дав высокую оценку расчетам Янсона, при выяснении вопроса об обеспеченности земель крестьян в восьми Центрально-Черноземных губерниях, исходил из того, что для данной местности 4 десятины являются нормой «удовлетворительного крестьянского надела», а участки ниже двух десятин должны считаться «совершенно необеспечивающими крестьянский быт»²⁷. Касаясь вопроса о различии в плодородии почв в разных регионах страны, ученый писал, что в черноземной полосе высший надел в 3.25 десятины давал крестьянину столько же хлеба, сколько в нечерноземной Новгородской губернии можно было получить только при высшем наделе в 5.6 десятины²⁸.

Свой метод решения проблемы предложил кн. А.И. Васильчиков, который прожил большую часть жизни в провинции и имел богатый опыт управления имениями, находившимися в разных регионах России. Ему приходилось заниматься сельским хозяйством как на северо-западе и западе страны (Новгородская, Псковская, Ковенская губ.), в черноземном центре (Тамбовская и Воронежская губ.), так и в Поволжье (Саратовская губ.)²⁹. Он считал, что размер крестьянского надела должен определяться не величиной урожая, необходимого для пропитания крестьянской земли, а исключительно рабочей силой крестьянского хозяйства. В качестве одного из доказательств этого положения он привел методы раскладки земли в крестьянских общинах. «Сельское общество, при мирских своих раскладах, – писал Александр Илларионович, – не спрашивает – сколько душ в семье, сколько требуется земли для пропитания, но справляется только о числе рабочих, потому что от этого зависит действительное владение, эксплуатация, и сколько бы ни было отведено земли на двор, она не принесет пользы, если не соответствует числу рабочих душ во дворе. Этот же народный, общепринятый счет может, как нам кажется, служить руководством для определения достаточности или недостатка земли»³⁰.

В то же время Васильчиков делал важное уточнение о том, что расчеты могут производиться двумя методами: во-первых, «по существующим обычаям и порядкам полеводства», даже если работа на земле выполняется «грубо и небрежно»; во-вторых, «как она должна быть производима по правилам сельского хозяйства». Ошибочность первого метода, по мнению князя Васильчикова, заключалась в том, что в ряде местностей страны во второй половине XIX в. еще не отказались от подсеки и перелога, и к тому же большинство крестьян плохо обрабатывали землю. В таком случае рабочий мог, несомненно, «осилить большое пространство», и крестьянский надел должен быть больше, чем при трехполье и качественной обработке почвы. Вот этот-то «фальшивый расчет и берется у нас обыкновенно в основание суждений о недостатке земли и жалоб самих крестьян на стеснение»³¹. Таким образом, «если считать во дворе по средней сложности 1½ рабочих мужика и 3 ревизских души, то поэтому приходилось бы как нормальный или высший надел на рабочего 10–13 дес. и на душу 5–6¼. Пропорцию эту следовало бы несколько уменьшить в северных губерниях и увеличить в южных»³². Отличие в размере высшего надела в разных районах страны объяснялось тем, что

в северных губерниях при обработке земли требуется больше времени и сил, чем в южных.

Известный русский народник, экономист и публицист С.Н. Южаков посвятил вопросу о нормах крестьянского надела специальную работу³³. Проанализировав труды Янсона и Васильчикова, Южаков назвал их самыми капитальными исследованиями по проблемам российской деревни. Он отметил, что среди специалистов сформировалось два подхода к решению вопроса о норме крестьянского надела: «на основании средней рабочей силы и средней потребности». Оба они, по мнению Южакова, ни в чем не противоречат друг другу, так как величина рабочей силы указывает на максимум земельной площади, которую может обработать крестьянин, а выяснение потребностей «служит для определения minimum'a народных наделов»³⁴. Поскольку потребности крестьянина, как и условия сельскохозяйственного производства, в разных регионах России имеют значительные отличия, ученый разделил территорию страны на 9 крупных областей. Для каждой из них он вычислил максимальную площадь, которую мог в течение сельскохозяйственного года обработать один крестьянин. Так, в так называемом Полесье, к которому была отнесена значительная часть территории Верхнего Поволжья, один работник, по его подсчетам, мог обработать 13 десятин земли. При этом максимальный надел на ревизскую душу в Верхнем Поволжье не должен был превышать 8.5 десятины удобной земли³⁵. Необходимо заметить, что в своей работе, вышедшей спустя почти четверть века после отмены крепостного права, исследователь указал на то, что такая единица учета, как ревизская душа, уже не отражала истинную численность мужского населения деревни. Реально мужское население к тому времени значительно превосходило учтенное в 1857 г. последней ревизией. По этой причине рассчитанный максимальный земельный надел на ревизскую душу был больше, чем на душу наличную, но все же меньше, чем на взрослого работника.

Для определения минимальных размеров крестьянского надела Южаков попытался определить доходы и расходы крестьянского хозяйства в различных регионах страны. По этим подсчетам, в Верхнем Поволжье только минимальный надел в 6.25 десятины удобной земли на ревизскую душу давал возможность крестьянской семье обеспечить себя пропитанием и заплатить налоги³⁶. Отметил он и такую закономерность: чем севернее район, тем меньше разница между «рабочей» и «продовольственной» нормой надела. В Архангельской, Вологодской и Олонецкой губ. «рабочая норма равняется продовольственной», т.е. население не в состоянии обработать земли больше, чем нужно для получения продовольствия и уплаты налогов³⁷. В заключительной части своей работы автор привел данные о количестве земли, необходимой для обеспечения всего крестьянского населения по нормам «потребительского» минимального надела. Согласно им, в Европейской России к 1880-м гг. образовался большой дефицит сельскохозяйственных земель. Для решения аграрного вопроса требовалось не только переселение крестьян на свободные территории за Уралом, но и повышение агрокультуры обрабатываемых площадей³⁸.

В 1891 г. вышла книга Л.В. Ходского «Земля и земледелец». Ее автор подверг критике метод анализа данных о надельной земле крестьян в ходе земельной переписи 1877–1878 гг. Он отметил, что качественное значение одного и того же по размеру надела на пространстве 49 губ. Европейской России до такой степени различно, что сравнивать одинаковый по размеру надел в разных местностях страны «все равно, что суммировать аршины, вершки, сажени, не делая приведения их в одинаковое наименование». Ученый считал, что, принимая для всей страны какую-либо единую площадь крестьянского надела за признак достаточного обеспечения землей и разбивая крестьянское население на группы относительно обеспеченных и необеспеченных землей крестьян, исследователи получают совершенно ложное представление и о качественном, и о количественном характере таких групп³⁹. Методы определения норм крестьянских наделов на основании рабочей силы семьи или по ее «потребительским и расходным нуждам», по мнению Ходского, не могли привести к надежным результатам. Размер «нормального» надела зависел не только от качества почвы, но и от

способа ведения хозяйства, от сельскохозяйственных знаний и опытности, от состава крестьянской семьи, от уровня обычных потребностей, от суммы прямых и косвенных налогов, падающих на крестьянское хозяйство, от курса бумажного рубля и многих других факторов. Ходский полагал, что русская экономическая статистика содержит слишком мало материала и на ее основании нельзя выснить с достаточной убедительностью рабочую и потребительскую нормы для всех регионов Европейской России. Кроме того, исследователь отметил, что предложенные методики не учитывают доходы от различных промыслов, являвшихся важным источником пополнения бюджета крестьянской семьи. Он предложил исчислять надел по земле, находящейся у государственных крестьян. Еще до реформы 1866 г. «правительство старалось по возможности предоставить государственным крестьянам земли в размере рабочих сил, – заметил он, – чтобы крестьяне, обрабатывая землю, могли с нее кормиться сами и отбывать разные государственные и местные платежи и повинности». «Таким образом, – делал вывод Ходский, – средний надел бывших государственных крестьян приблизительно можно принять за рабочую норму крестьянской поземельной собственности в каждой отдельной местности и за достаточное обеспечение наделной землей в предреформенный период; наделение же крестьян – все равно государственных, удельных или помещичьих, – свыше этой нормы можно считать избыточным, а меньшее наделение – недостаточным»⁴⁰.

Ученый составил таблицу, в которой в соответствии с этой методикой указывалась величина всех трех видов наделов и количество крестьян в каждой губернии Европейской России, получивших «щедрые», «достаточные» и «недостаточные» наделы⁴¹. Так, во Владимирской губ. «достаточным» оказывался надел от 4 до 5 десятин, в Костромской – от 4,5 до 5 десятин и в Ярославской – от 3 до 4 десятин. С точки зрения Ходского, «достаточный» надел не обязательно равен площади, обрабатывая которую, крестьянская семья могла получить урожай, позволявший прокормить себя и заплатить все необходимые налоги. Он мог быть и значительно меньше, если крестьянское хозяйство получало доходы не только от сельского хозяйства, но и от разного вида промыслов. Так, «достаточный» надел в Ярославской губ. оказывался меньше, чем во Владимирской, поскольку ярославские крестьяне получали более значительные доходы от внеземледельческих промыслов. И это несмотря на то, что качество земли во Владимирской губ. было выше, чем в Ярославской. Использование такой методики привело Ходского к выводу, что в Европейской России в ходе аграрных реформ 1860-х гг. «недостаточные» наделы получили 27.7% крестьян. Губернии Верхнего Поволжья, согласно подсчетам ученого, в этом отношении сильно отличались между собой. Так, в Костромской губ. «недостаточные» наделы получили 43% крестьян, во Владимирской – 20.9%, а в Ярославской – только 17.2%⁴².

В советский период проблема достаточности крестьянского надела в пореформенной России стала основой оценок историками крестьянской реформы 1861 г. Правда, исследователи уже не пытались самостоятельно определить доходность крестьянских наделов, полагаясь на данные дореволюционных специалистов. Естественно, они столкнулись при этом с той же проблемой невозможности вычисления единой нормы наделов для всей страны. Даже П.А. Зайончковский, автор двух фундаментальных исследований, посвященных реформе 1861 г., приводит разные данные о размере душевого надела, обеспечивающего прожиточный минимум крестьянина в России. В книге «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.» он указывал, что такой надел должен быть не менее 6 десятин земли⁴³, а в более поздней работе «Отмена крепостного права в России» допускал возможность понизить эту цифру до 4 десятин⁴⁴.

Академик Н.М. Дружинин, изучавший последствия крестьянской реформы, сгруппировал сельские общины по размерам надела на ревизскую душу следующим образом: малоземельные – до 2 десятин, среднеземельные – до 5 и многоземельные – свыше 5 десятин⁴⁵. Предложенное Дружининым деление стало применяться некоторыми историками и в региональных исследованиях⁴⁶. Однако ряд ученых считали, что в значительном количестве районов России душевой надел в 5 десятин земли не мог

обеспечить прожиточный минимум крестьянину. Д.А. Тарасюк, автор монографии, посвященной источниковедческому анализу данных земельной переписи 1877–1878 гг., писал по этому поводу: «Принимая во внимание многообразие условий, существующих в России для сельскохозяйственного производства, очевидно, следует считать, что надел, достаточный для ведения хозяйства, должен быть не менее 6 дес. на ревизскую душу мужского пола»⁴⁷.

В той или иной степени вопрос о земельной площади, необходимой для нормального ведения крестьянского хозяйства, затрагивался многими отечественными исследователями. Однако со временем ученых больше стало интересовать земельное обеспечение крестьян не вскоре после отмены крепостного права, а в начале XX в. – в период, предшествовавший революциям⁴⁸. Часть историков в своих работах опиралась на несколько политизированное суждение В.И. Ленина, который считал, что в начале XX в. «для сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве нужны не менее 15 дес.»⁴⁹; другие приводили иные цифры. В посмертно опубликованной работе А.М. Анфимова «Неоконченные споры» в разделе «Много ли человеку земли нужно» приведены расчеты дореволюционных экономистов и мнения самих крестьян о размерах земельной площади, обеспечивающей рентабельность хозяйств. Большинство из них считало, что в черноземной зоне необходимо иметь 10–15 десятин земли на двор⁵⁰.

В.Г. Тюкавкин в последней своей крупной работе внес корректировку в расчеты Ю.Э. Янсона о нормах потребления хлеба в крестьянской семье. Тюкавкин считал, что Янсон несколько преувеличил эту норму, а следовательно, и «потребительская норма» земельного надела могла быть меньше той, что он указывал⁵¹. Историк также отметил, что условия ведения крестьянского хозяйства в 1870–1880 гг. и в начале XIX в. существенно различались. К примеру, средний урожай зерновых в стране в 1900–1910 гг. вырос по сравнению с 1870–1880 гг. на 40%⁵². Это подтверждается и данными по отдельным регионам. Так, если в 1860–1870-х гг. средний урожай ржи в Ярославской губ. составлял сам-3,5, то к 1890-м гг. он увеличился до сам-5⁵³. Рост урожайности и повышение цен на сельскохозяйственные продукты дали крестьянину возможность обходиться меньшим количеством земли, чем в первые пореформенные годы. Поэтому, по мнению Тюкавкина, в начале XX в. площадь, необходимая крестьянской семье, должна была быть не менее 8,5 десятины в черноземной полосе и 9–9,5 десятины в нечерноземной⁵⁴.

Интересно отметить, что данные о минимальном наделе, способном прокормить крестьянскую семью, в региональном исследовании рисуют ту же картину, что и при макроисследованиях: размытость границы «нормального» надела и изменение его величины в разные временные периоды. Так, земские статистики, изучавшие в конце XIX в. крестьянское хозяйство Нерехтского уезда Костромской губ. (уезд этот находился в самом центре Верхнего Поволжья и в достаточно высокой степени отражал природно-климатические условия во всем регионе), отмечали, что минимум надела, который «необходим для нормального существования крестьянского хозяйства», составляет 16,08 десятины (6,43 десятины пашни и 9,65 десятины кормовой площади)⁵⁵. На мой взгляд, земские статистики существенно завысили площадь кормовых площадей. На это указывает и сравнение соотношения пашни и кормовых угодий в приводимых выше расчетах Янсона. По всей видимости, они ориентировались не на крестьянский двор, стоящий на пороге бедности, а на крепкое середняцкое хозяйство, хорошо обеспеченное скотом. Это косвенно подтверждает и работа М.Е. Кадека, в которой показано состояние сельского хозяйства в начале XX в. в соседней Ярославской губ. На основе изучения доходности крестьянских хозяйств Мышкинского уезда ученый пришел к выводу, что крестьянский двор должен иметь минимум 10 десятин земли. «Где площадь ниже 10 десят., – утверждал он, – ...население живет или впроголодь, урезывая свои и без того слишком скромные жизненные потребности, или вынуждено искать более выгодный, чем земледельческий, заработок на стороне»⁵⁶.

В конце XIX – начале XX в. в губерниях Верхнего Поволжья на крестьянских полях распространяется многопольный севооборот. При переходе к новой системе полеводства уменьшалась и земельная площадь, необходимая для удовлетворения минимальных потребностей крестьянского хозяйства. Примером высокой доходности новой системы может служить хуторское хозяйство Груздева в Ветлужском уезде Костромской губ. – одно из лучших крестьянских хозяйств страны. В 1912 г. Груздев, располагая всего 12 десятинами 1963 саженьями земли и имея 7 человек в семье, не просто свел концы с концами, а имел превышение доходов над расходами на довольно значительную сумму в 100 руб.⁵⁷

Рассматривая проблему «достаточных» земельных наделов для крестьянских хозяйств следует учитывать, что налоговая нагрузка в течение второй половины XIX – начала XX в. не была одинаковой. В пореформенный период дважды изменялся размер крестьянских выкупных платежей. Так, с 1 июля 1882 г. произошло значительное их сокращение. С 1 января 1906 г. размер выкупных платежей понизился еще на 50%, а с 1 января 1907 г. их взимание полностью прекратилось. Во второй половине XIX – начале XX в. были и другие изменения в налоговой нагрузке на крестьян.

Приведенные данные показывают, что в силу большого разнообразия местных условий определить какую-то единую норму «достаточного» надела не только для всей страны, но и для ее отдельного региона можно только очень приблизительно. Кроме того, следует учитывать, что величина земельного надела, способного обеспечить нормальное функционирование крестьянского хозяйства – категория историческая. Для каждого конкретного периода пореформенной эпохи необходимо проводить свои расчеты, и эта работа еще очень далека от своего завершения.

Примечания

¹ Второе издание материалов Редакционных комиссий. СПб., 1860. Т. III. Кн. 1. С. 28.

² Цит. по: *Иванюков И.* Падение крепостного права. СПб., 1882. С. 320.

³ Там же. С. 251.

⁴ *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. М., 1987. С. 393.

⁵ *Иенатович И.И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1910. С. 56.

⁶ *Скребицкий А.* Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Т. II. Ч. II. Бонн-на-Рейне, 1865. С. 1039.

⁷ Там же. С. 1038.

⁸ Там же. С. 1494–1495.

⁹ Там же. С. 1062.

¹⁰ Подробнее о возникновении категории «высший надел» и ее эволюции см.: *Долбилов М.Д.* Статистический эксперимент реформаторов: коллизии в расчетах высших размеров крестьянских наделов при освобождении // Россия сельская. XIX – начало XX в. М., 2004. С. 83–106.

¹¹ *Скребицкий А.* Указ. соч. С. 1061.

¹² Там же. С. 1063, 1579–1599; Высочайше утвержденные его императорским величеством 19 февраля 1861 года положения о крестьянах вышедших из крепостной зависимости. СПб., 1861. С. I–V.

¹³ *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М., 1984. С. 213–214; *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 года в России. М., 1991. С. 121.

¹⁴ *Долбилов М.Д.* Указ. соч. С. 98–99, 102, 104.

¹⁵ *Скребицкий А.* Указ. соч. С. 1072–1073.

¹⁶ *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг. М., 1978. С. 119–120.

¹⁷ *Иванюков И.* Указ. соч. С. 256.

¹⁸ Журнал землевладельцев. 1858. № 4. С. 21.

¹⁹ Там же. № 13. С. 29.

²⁰ *Скребицкий А.* Указ. соч. С. 1494–1495, 1510–1511.

²¹ Там же. С. 1510–1511.

²² *Янсон Ю.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881. С. 28.

²³ Там же. С. 28. Примечание.

- ²⁴ Там же. С. 70.
- ²⁵ *Чаславский В.И.* Хлебная торговля в Центральном районе России. Ч. 1. СПб., 1873. С. 9.
- ²⁶ *Янсон Ю.* Указ. соч. С. 28.
- ²⁷ *Иванюков И.* Указ. соч. С. 320.
- ²⁸ Там же. С. 308.
- ²⁹ *Васильчиков А.* Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881. С. V.
- ³⁰ Там же. С. 91.
- ³¹ Там же. С. 94.
- ³² Там же. С. 96.
- ³³ *Южаков С.Н.* Нормы народного землевладения. (Опыт экономического исследования о нормальной величине крестьянских наделов в России) // Русская мысль. 1885. Кн. IX. С. 1–40.
- ³⁴ Там же. С. 2–3.
- ³⁵ Там же. С. 15.
- ³⁶ Там же. С. 29.
- ³⁷ Там же. С. 30.
- ³⁸ Там же. С. 36.
- ³⁹ *Ходский Л.В.* Земля и земледелец. Экономическое и статистическое исследование. Т. II. СПб., 1891. С. 240.
- ⁴⁰ Там же. С. 241.
- ⁴¹ Там же. Таблица X. С. 30–37.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 13.
- ⁴⁴ *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 284.
- ⁴⁵ *Дружинин И.М.* Русская деревня на переломе... 1978. С. 118.
- ⁴⁶ *Смыков Ю.И.* Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. Социально-экономическое исследование. М., 1984.
- ⁴⁷ *Тарасюк Д.А.* Поземельная собственность пореформенной России. Источниковедческое исследование по переписи 1877–1878 гг. М., 1981. С. 86.
- ⁴⁸ *Хряцева А.И.* Группы и классы в крестьянстве. М., 1921. С. 60; *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1952. С. 275; *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980. С. 188–189; *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988. С. 90–91.
- ⁴⁹ *Ленин В.И.* Аграрный вопрос в России к концу XIX века // *он же.* ПСС. Т. 17. С. 64.
- ⁵⁰ *Анфимов А.М.* Неоконченные споры. Из архива историка // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 57–58.
- ⁵¹ *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 65–70.
- ⁵² Там же. С. 69.
- ⁵³ См.: Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 8. Ярославль, 1901. С. 2.
- ⁵⁴ Там же. С. 69.
- ⁵⁵ Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Т. I. Вып. I. Кострома. 1901. С. 80.
- ⁵⁶ *Кадек М.Е.* Сельское хозяйство Ярославской губернии в начале XX в. // Труды Ярославского педагогического института. Т. I. Вып. II. Ярославль, 1926. С. 11.
- ⁵⁷ См.: Крестьянское хозяйство в России. Промышленные губернии. Петроград, 1915. С. 23–28.